

ОБРАЗ СЕМЬИ КАК БАЗОВОЙ ЖИЗНЕННОЙ ЦЕННОСТИ В РОМАНЕ ФРАНИ ШРАМЕКА «ТЕЛО»

Татьяна Юрьевна Кравченко

Хранитель книжных фондов,
Государственный музей истории
русской литературы им. В.И. Даля
Почтовый адрес: Шелапутинский пер. д. 1, стр. 1,
Москва, 109004, Россия
Электронный адрес: tukravchenko@yandex.ru
ORCID: 0009-0006-7543-2977

Аннотация

В статье рассматривается история восприятия романа Франи Шрамека «Тело» критиками и читателями с момента его выхода в свет в 1919 г. до 90-х гг. XX в. Образ героини, созданный Шрамеком, отличался от распространенного в европейской литературе первых десятилетий XX века типа «новой женщины». В связи с этим главной темой романа считалось прославление простых радостей, чувственной любви и основанного на ней союза мужчины и женщины в противовес войне, убивающей и радость, и любовь. Критики отмечали типизацию образов героев, символическое столкновение мужского и женского начала, на пересечении которых проявляются правда и смысл жизни, а также импрессионистические средства художественной выразительности, характерные для творчества Шрамека. В настоящей статье предлагается несколько иной взгляд на роман. Есть все основания выделить в качестве главной темы не просто прославление любви и соединение мужского и женского начала, а создание семьи и тот долгий путь, который должны проделать муж и жена, чтобы стать семьей. Для этого в статье рассматривается, что именно Франия Шрадек вкладывает в понятие «семья» и насколько совпадает его понимание семьи с общепринятым. В статье показано, как раскрытию темы служат архитектоника романа и система персонажей. Большое внимание уделено месту и роли так называемых «вставных новелл», историй второстепенных персонажей, казалось бы, не имеющих прямого отношения к движению сюжета. С точки зрения читателя XXI в., несомненным достоинством романа является импрессионистический стиль Франи Шрамека: благодаря ему там, где современные авторы часто прибегают к нарочито грубой физиологии, Шрадек остается художником и поэтом. В статье также подчеркнута актуальность, которую приобретает роман в наши дни, когда тема семьи и демографии становится насущной и для России, и для Европы.

Ключевые слова

Франия Шрадек, роман «Тело», тема семьи, гендерные вопросы, импрессионизм, типизация образов, особенности архитектоники, роль второстепенных персонажей

Статья поступила в редакцию 6 апреля 2024 г.

Статья доработана автором 16 апреля 2024 г.

Статья принята в печать 3 мая 2024 г.

Цитирование: *Кравченко Т.Ю.* Образ семьи как базовой жизненной ценности в романе Франи Шрамека «Тело» // Славянский мир в третьем тысячелетии. 2024. Т. 19. № 1–2. С. 92–104. <https://doi.org/10.31168/2412-6446.2024.19.1-2.06>

THE FAMILY AS THE BASIC VALUE OF LIFE IN THE NOVEL “THE BODY” BY FRÁŇA ŠRÁMEK

Tatyana Iu. Kravchenko

Curator,
State Literary Museum
Postal address: Shelaputinsky lane, 1, Building 1,
Moscow, 109004, Russia
E-mail: tukravchenko@yandex.ru
ORCID: 0009-0006-7543-2977

Abstract

The article discusses the history of the perception of Fráňa Šrámek’s novel “The Body” by critics and readers from the moment of its publication in 1919 to the 1990s of the twentieth century. The image of the heroine created by Šrámek differed from the type of “new woman” common in European literature of the first decades of the twentieth century. In this regard, the main theme of the novel was considered to be the glorification of simple joys, sensual love and the union of a man and a woman based on it, as opposed to war, which kills both joy and love. Critics noted the typification of the characters’ images, the symbolic encounter of the masculine and feminine principles, at the intersection of which the truth and meaning of life are manifested, as well as the impressionistic means of artistic expression characteristic of Šrámek’s work. This article offers a different view of the novel. There is every reason to view not just the glorification of love and the union of masculine and feminine principles, but the creation of a family and the long journey that a husband and wife must go to become a family as the main theme of the novel. The article examines what exactly Fráňa Šrámek puts into the concept of “family”, and how much his understanding of family coincides with the generally accepted one. The article shows how the architectonics of the novel and the system of characters serve to reveal the theme. Focus was also on the place and role of the so-called “plug-in stories”, stories of minor characters, seemingly not directly related to the movement of the plot. From the point of view of the reader of the XXI century, the undoubted advantage of the novel is the impressionistic style of Fráňa Šrámek: thanks to it, where modern authors often resort to deliberately rude physiology, Šrámek remains an artist and a poet. The article also emphasizes the relevance that the novel acquires nowadays, when the problems of family life and demography become urgent for both Russia and Europe.

Keywords

Fráňa Šrámek, the novel “The Body”, theme of the family, gender-specific, impressionism, typification of images, features of architectonics, the role of minor characters

Received 6 April 2024

Revised 16 April 2024

Accepted 3 May 2024

For citation: Kravchenko, T.Iu., 2024. The Family as the Basic Value of Life in the Novel “The Body” by Fráňa Šrámek. *Slavic World in the Third Millennium*, 19 (1–2), pp. 92–104. <https://doi.org/10.31168/2412-6446.2024.19.1-2.06>

Франя Шрадек (Fráňa Šrámek) по праву входит в когорту писателей, определивших лицо чешской литературы в XX в. Как верно заметила Л.Н. Будагова, это писатель непростой, неоднозначный, но всегда искренний, он делает читателя свидетелем счастливых и горестных мгновений, свидетелем творческих озарений и разочарований, скепсиса и сомнений, не утрачивая при этом вкус к жизни и веру в человека, и это самое важное. «В произведениях Шрамека силен элемент эротизма, но это эротизм ренессанса, никак не декаданс, превозносящий, а не унижающий человека. Любовь у него — прежде всего животворящая сила»¹.

Роман «Тело» (чеш. *Tělo*) был написан Франей Шрадеком осенью 1918 г., сразу после возвращения с войны, в рекордно короткие сроки — за шесть недель. Название, казалось, явно указывало на основную тему романа — прославление радости жизни, страсти, чувственности, любви как сильнейшей природной силы. Главной героиней автор сделал юную девушку, потом молодую женщину, что тоже было весьма своевременно, современно и актуально. Женский вопрос со второй половины XIX и в первой трети XX в. широко обсуждался во многих европейских литературах, и чешская литература не исключение. Но обычно речь шла об освобождении женщины, завоевании ею равных с мужчинами прав — права на свободу личного выбора, права на образование, на социальную реализацию и т.д. В это время в европейских литературах создается целый ряд женских образов (от ибсеновской Норы до ольбрахтовской Анны-пролетарки), в которых писатели разных стран так или иначе осмыслиют нарождающийся тип «новой женщины»: «В начавших стремительно меняться общественно-экономических и культурных условиях героиня, которая решила изменить свою судьбу, освобождаясь из-под власти социальных и моральных законов, давала ответ на главный вопрос, вставший перед большинством современниц в новую историческую эпоху: как соотносить выполнение природного предназначения и участие в социальной жизни? Иными словами, как выполнять обязанности жены и матери и при этом состояться в профессии?»² Но Маня, героиня «Тела», под определение «новая женщина» совсем не подходит. «Новой женщиной» скорее была героиня предыдущего романа Шрамека «Перекрестки» (1913) Штепа Гавленова, именно в ней воплотились те идеи, которые были близки писателю в первое десятилетие нового века. В молодости Шрадек был приверженцем анархизма, а по мнению анархистов, современный брак являлся скрытой формой проституции, на повестке

¹ Budagovová L. Slovo o Šrámkovi (Šrámkova tvorba v interpretaci moskevské bohemičky) // O literatuře a kultuře. Texty pro Šrámkovu Sobotku. Sobotka, 2012. S. 17. (Здесь и далее — перевод автора статьи.)

² Михайлова М.В., Назарова А.В. «Новая женщина» или «сверхженщина»? Проект Серебряного века // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2023. Т. 23. Вып. 3. С. 269.

дня стояла идея свободной любви и отношений добровольных, равных и взаимно ответственных. Все это так или иначе отразилось в раннем творчестве Шрамека, в его рассказах и затем в романе «Перекрестки». Впрочем, Шрамак был не одинок: например, героини Йозефа Сватоплука Махары или Франтишека Гельнера, как и героини Шрамека 1900–10-х гг., совсем не похожи на роковых женщин декаданса, на женщину-мечту Антонина Сова или на мистических сестер Отокара Бржезины. Это женщины совершенно земные, восстающие против лицемерия и условностей, женщины, ищущие себя, свое место в жизни и в любви, но их любовь редко приводит к гармонии и часто оканчивается трагически.

А вот героиня романа «Тело» Маня не восстает против условностей, не думает о социальной реализации, она вообще ни о чем, кроме любовно-удовольствия, особенно не задумывается. «В романе о молодой женщине-самке в разгаре полового влечения с легко набросанным фоном мировой войны “Тело” он (Шрамак. — Т. К.) довел до высшей точки свой искрящийся импрессионизм, где сладострастно оригинальные образы, смело сочные эпитеты, неожиданные открытия — все трепещет и волнуется, в то время как между строк звучит сердечное восхваление инстинктивных влечений первооснов человеческой сущности», — так охарактеризован роман в «Истории чешской литературы» 1926 г.³, так его восприняли и читатели, и критики-современники. Карел Чапек (Karel Čapek) в своей рецензии на «Тело», опубликованной в газете *Národní listy* 13 декабря 1919 г., восхищался «кипучей женственностью» Мани, «жизненной силой», которой наполнена «каждая минута действия до краев», и призывал не «оценивать эту книгу с точки зрения психологии, контекста времени и жизненных реалий», а наслаждаться «цветущими и благоухающими мгновениями не только Маниной, но и вообще женской жизни, с ее любовью, ее материнством, тем не личным, а общим, как общая для всех природа и... физиология»⁴.

В последующие десятилетия то, что заметили и выдвинули на первый план критики 1920-х, было подхвачено и развито литературоведами следующих поколений. В 1957 г., когда роман «Тело» был издан в собрании сочинений Франи Шрамека, Феликс Водичка (Felix Vodička) в послесловии писал: «Своим названием, своей волшебной чувственной атмосферой, обретением любви как прочной жизненной силы книга отвечала потребности общества прославить жизнь в ее первобытности в противовес войне и разгулу смерти [...]. Но чувственность как стиль жизни, как жизненная позиция была не только в творчестве Шрамека, это была социально обусловленная идея, вера, мечта, которая требовала проверки жизненной практикой. И только немногие сознавали, что лицом к лицу с войной, когда

³ Якубец Я., Новак А. История чешской литературы. Пер. Ек. Н. Матвеевой и Вячеслава Куста. Прага, 1926. С. 210.

⁴ Čapek K. Román o Těle // Cesty k přátelství. Praha, 1987. S. 24–25.

затронуты важные социальные проблемы, Манин идеал жизни, руководимой чувственностью, не годится для того, чтобы стать жизненной силой, отвечающей ситуации»⁵. В 1977 г., когда отмечали столетие Франи Шрамека, литературовед Добрава Молданова (Dobrava Moldanová) в обзорной статье, посвященной творчеству писателя, отмечала: «Тело — это воплощение мечты сидящего в окопе солдата, который все время обращается к красоте повседневной обычной мирной жизни, чтобы заслониться ей от войны. [...] Маня, похотливое дитя пражского предместья, с помощью своей красоты и обаяния стремится возвыситься над жалким окружением, устроиться в жизни получше, чем ее отец, парикмахер и “актер”, чем ее мать, или бывшая звезда оперетты из предместья, которая учила Маню петь. Маня не блещет интеллектом, но в познании окружающего мира она опирается на безошибочные инстинкты, руководствуется иной мудростью — мудростью тела. Тело в романе — основа воспитания, превращения существа чувственного, стихийного в ответственного думающего человека, воспитания неполного и в целом не удавшегося. Когда кажется, что Маня уже выиграла свой бой, что женское начало пришло в гармонию с мужским, все сметает ветер войны: перемирие, которое они с мужем заключили, расторгнуто. Она воспринимает войну как выдумку мужчин против женщин, и все, к чему она стремилась, что было прежде, утрачивает смысл»⁶.

То есть традиционное восприятие романа — импрессионистическое воспевание витальности и радости плотской любви, «природного» союза мужчины и женщины, природной жизненной силы — в противовес уничтожающей все живое войне. Было также общепризнано, что в «Теле» Шрамека поднимается до обобщения, что «обычные случаи из жизни пражского предместья приобретают символический смысл образа жизни в целом, речь идет не об одном мужчине и одной женщине, людях с определенной индивидуальной судьбой, но о столкновении мужского и женского начала, на пересечении которых и проявляются правда и смысл жизни. Женщина, ведомая полуосознанным инстинктом, с помощью мужчины (и при этом выполняя свою биологическую функцию матери рода) интеллектуально преобразуется, а мужчина с ее помощью воплощает свои мечты в реальность. Его усилия, его “домостроительство” приобретают смысл»⁷.

Даже имена главных героев, Маня и Йозеф, — самые обычные, самые распространенные (в России это были бы Иван и Марья) — свидетельствуют, что автор имел в виду рассказать читателю не эксклюзивную историю любви, а показать любовь как явление, как это вообще в жизни бывает. «Маня не может быть исключительной потому, что в сердцевине этого характера, по представлению Шрамека, и лежит то, что составляет сущ-

⁵ Šrámek F. Spisy Frání Šrámka. Praha, 1957. Sv. 2.: Tělo. S. 300.

⁶ Moldanová D. «...nenatrháš s nebe hvězd». Proměny šrámkovského příběhu 1913–1931 // Česká literatura. 1977. № 25. S. 118.

⁷ Ibid.

ность женщины. И партнер Мани не просто инженер Котера со своими индивидуальными особенностями, а человек, который олицетворяет то, что обычно связывается в нашем представлении с понятием “мужчина”. Они оба, мужчина и женщина, соединяются в общий источник жизненной силы, в тело. Это не “серебряный ветер”, символ чего-то неуловимого, а вполне конкретный фундамент всей человеческой жизни»⁸.

Однако уже даже в статьях 1920-х гг. звучал — нет, не упрек, скорее наблюдение, — что авторская позиция не отвечает требованиям современности, что война внесла свои коррективы, что для полноценной жизни мало одной чувственности и жизненной силы. И это наблюдение усиливается и поддерживается в последующие десятилетия. В результате создается впечатление, что роман Шрамека уже к середине XX в. оценили по достоинству и оставили в истории литературы как свидетельство своего времени. Между тем, этот роман весьма актуален и для начала XXI в. с его демографическими и нравственными проблемами, если предположить, что главная тема романа «Тело» не просто воспевание жизненной силы и простых радостей жизни, а создание семьи. Это и определение самого понятия «семья», это и тот долгий и трудный путь, который проходят мужчина и женщина, чтобы стать, как заповедано в Евангелии, единой плотью, или, по Гегелю, обрести субстанциальную сокровенную близость, которая превращает брак в нераздельный союз лиц, когда телесное соединение есть следствие нравственного союза.

«Многих критиков роман (“Тело”. — Т. К.) поставил в тупик, говорили о композиционной беспомощности, об излишней эмоциональности, о пассивном отношении к материалу, о призрачности персонажей и непрописанности их взаимоотношений»⁹, — отмечала Доброва Молданова.

Но как раз архитектура романа очень четкая и продуманная, если предположить, что главная тема — именно создание семьи, а не прославление чувственности, любви-страсти и инстинктивной женственности, олицетворяющей жизнь и бунтующей против выдуманной мужчинами войны.

Первая глава романа по хронологии действия — предпоследняя: браку Мани и Йозефа Котеры пять лет, у них четырехлетний сын и они ждут появления дочери. То есть читатель видит финал, счастливый итог, к которому пришли герои. Начиная со второй главы время в романе течет своим путем: история главной героини излагается последовательно, без временных перебросок: детство, ранняя юность и юношеские увлечения, встреча с будущим мужем, вспыхнувшая страсть, замужество, рождение сына и т.д. При этом в романе очень много сюжетных ответвлений, которые иногда выглядят как вставные новеллы: история подруги детства Мани — Тиль-

⁸ Šrámek F. Spisy Fráni Šrámka. Sv. 2.: Tělo. S. 301. «Серебряный ветер» — намек на одноименный роман Ф. Шрамека 1910 г.

⁹ Moldanová D. Mladý Karel Čapek a Fraňa Šrámek // Česká literatura. 1986. № 34. S. 154.

ды, история пана Мразека и вдовы Синковой, история поклонника матери Мани Менелика, история дяди Йешки и его молодой жены... Возможно, эта «разбросанность» и вызвала упреки критиков в «композиционной беспомощности». Между тем, такие вставные новеллы в раскрытии темы играют важную роль: это все истории семей, с точки зрения автора, несостоявшихся, и поиск причин этой несостоятельности.

Итак, что же такое семья в понимании Шрамека и чем это понимание отличается от принятого в обществе? Ответ дан сразу, в первой же главе. Показательно, что Шрамак не спешит познакомить читателя с главными героями, сначала он предлагает посмотреть на них как бы со стороны. Роман открывает семейный портрет соседей Мани и Котеры, типичных пражских обывателей: «две дочери-гимназистки, чопорная мать и немногословный отец. Четыре комнаты обставлены солидной мебелью. Часто смеется только служанка, барышни — лишь когда забываются, пан с пани не забываются никогда»¹⁰. Это олицетворение благопристойности и добропорядочности, здесь хорошо представляют, как надо себя вести, чтобы снискать одобрение общества. А семья Котеры в рамки приличий явно не вписывается. Маня поет, и песня ее разносится по всему дому: «Песня доносится сверху, льется с потолка, и из-за этого кажется, что на потолке расцветают розы. Пани роз не видит, она смотрит на потолок как на дыру в чулке, а у барышни Павлы из руки выпадает книга.

— Не отвлекайся, Павла, — говорит пани.

— ...подтверждает правильность наших выводов, — дочитывает Павла, немного обидевшись. Но мысли ее далеко, там, где песня. [...] И чтобы замести следы, она говорит:

— Что эта Котерка целый день надрывается?

Пани усмехается, демонстрируя два золотых зуба в глубине рта:

— Я тебя умоляю, где могла набраться хороших манер дочь цирюльника?

— Жена ин-же-не-ра! — протяжно выговаривает Павла. — А пан инженер сам ходит за пивом. Несет по лестнице кувшин, как кухарка. Хоть бы смутился, столкнувшись со мной. Нет! Поздоровался, будто так и надо, мне даже неловко за него сделалось¹¹».

Вся первая глава построена на контрастах: песня Мани и тишина в квартире благопристойной семьи, чинное чтение скучной нравоучительной книги и буйное веселье у Котеры, Мани и их сына Юлека:

«[...] И не удивляйтесь, если папа изобразит ученого борова из цирка, или Юлек победит папу в искусстве греко-римской борьбы, — а ведь отец так упорно борется! Не удивляйтесь, если в новой вспыхнувшей схватке, на этот раз с мамой, Юлек перестает быть центром внимания, у него появляется сто причин ревновать отца, и он демонстрирует свою ревность со-

¹⁰ Šrámek F. Spisy Frání Šrámka... S. 7.

¹¹ Ibid. S. 7-8.

вершено недвусмысленно. И уж совсем не удивляйтесь, если над тарелкой супа пролетит оперная ария и шутовская декламация по поводу нежелания идти спать, или из ванной донесется шум морской битвы и хохот русалки. На ковре в этих комнатах может появиться краб, стадо стульев с треском разбегается во все стороны, и все стеклянное вот-вот может разбиться. И думается о странной погоде, когда проливной дождь и проливное солнце, о буйной траве, о жарком, прекрасном лете. А вот ты, ты сам живешь в другом, в холодном мире. В конце концов, возможно, у тебя просто другой вкус. Возможно, ты прав. Возможно»¹².

Члены обывательской добропорядочной семьи вместе только формально, они находятся в одном пространстве, но каждый втайне живет собственной внутренней жизнью, в которую не собирается никого посвящать. А Маня, Юлек и Йозеф Котера — слаженное трио, они совершенно открыты друг другу, они вместе не только потому, что обитают в одном месте, и они живут в полной гармонии не только друг с другом, но и с окружающим миром. Полная внутренняя гармония — вот это и есть, по Шрамеку, определение семьи.

Добропорядочные обыватели из первой главы в романе больше не появятся и в сюжете никакой роли не сыграют, но их присутствие было совершенно необходимо: Шрамак сразу продемонстрировал, насколько его понимание семьи расходится с тем, что под этим словом подразумевает современное ему общество. И дальше он подчеркнет эту разницу на многих примерах.

Семья в представлении Шрамека начинается с любви, причем любви страстной, отнюдь не платонической. Маню и Котеру изначально связывает сильное физическое влечение. Но ведь такое же притяжение возникает между подругой Мани Тильдой и Индрой. Это первая «вставная новелла» в романе, Шрамак «бросает» Маню, чтобы посвятить истории Тильды две главы. Индра при первой встрече чувствует к Тильде не только физическое влечение, но и нежность, и интерес. Но он пасует перед общественным мнением: его компания Тильду не принимает, над ней смеются, и Индра, злясь на себя и на свое едва зародившееся чувство, вымещивает эту злость на Тильде жестоко и грубо. А Тильда все принимает с покорностью, не пытаясь отстоять свое достоинство. Это первая ловушка, в которую может попасть молодая девушка: сейчас это называют «обесцениванием», но в начале XX в. такое поведение считалось вполне обычным. Мужчина мог себе многое позволить, удел женщины — терпеть. Кстати, по той же схеме выстроены отношения и в Маниной родительской семье: веселый отец, у которого все интересы — вне дома (театр, вечеринки, любовница), и унылая мать, которая покорно обслуживает мужа и дочь. Однако в эту ловушку Маня не попадет, она слишком высокого мнения о себе, ее красота и та

¹² Šrámek F. Spisy Frání Šrámka... S. 10-11.

сила жизни, что бьет в ней ключом, дорогого стоят. Но Маня не собирается продавать себя даже задорого, хотя такие возможности перед ней открываются: на одной из вечеринок за ней начинает ухаживать пан Мразек, владелец магазина. И тут Шрадек снова оставляет свою героиню, чтобы посвятить целую главу истории женитьбы отвергнутого Маней пана Мразека на вдове Синковой. Вот здесь уже ни о какой любви и речи не идет, это взаимовыгодная сделка, в результате которой возникает добропорядочная семья, калька с той семьи, что представлена в первой главе. Добропорядочной ее считает общество, но не Шрадек: «Если чета Мразеков и появилась в этой истории, то только затем, чтобы сотворить нечто нелепое, так что теперь мы вполне можем о них забыть»¹³.

Через некоторое время Шрадек снова прерывает повествование о вдовой Маниной юности очередной вставной новеллой: мать Мани, пани Шварцова, узнав об измене мужа, пытается найти утешение и защиту у своего верного поклонника: «Он был старшим официантом в ночном кафе, когда-то добивался ее, а когда должен был отойти в сторону, сделал это как человек, которого будут вечно оплакивать. Он так и не женился, за эти годы он сменил несколько квартир, но все на одной и той же улице, чтобы оставаться где-то поблизости. На улице они иногда и встречались, он заговаривал с ней тихим душевным голосом, давая понять, что сердце его все еще разбито. И ничего удивительного, что пани Шварцова, обнаружив свою жизнь разбитой вдребезги, сразу вспомнила о нем»¹⁴. Но ни защиты, ни утешения пани Шварцова не получила: время ушло, любовь выдохлась. Ничто на свете не длится вечно, упущенного не вернешь. Эта история — опять предостережение Мане: не слишком ли беспечно кружится она в водовороте развлечений, не слишком ли легкомысленно порхает по жизни и играет чувствами?

Очень своевременное предостережение. Уже в следующей главе героиня встречает наконец своего будущего мужа, но есть у автора опасение, что легкомысленная Маня прозеваает свое счастье: «Веселые девушки сплошь и рядом не замечают указующий перст судьбы, — возможно, девушки и судьба говорят на разных языках. [...] Но судьба такие вопросы с девушками не обсуждает, ведь девушки сами не знают, чего хотят. Судьба решает все с мужчинами, а потом преподносит девушке неожиданную встречу. И девушка, справившись с изумлением, не знает, смеяться ей или плакать, потому что не понимает, к добру это или к худу, этого она хотела или кого-то другого. Она пожимает плечами, оглядывается и в конце концов подчиняется судьбе. Правда, потом обычно выясняется, что она хотела именно этого. Теперь она уже не витает в облаках, а твердо стоит на земле, куда тверже, чем мужчина. Все вещи она теперь называет своими именами, она

¹³ Šrámek F. Spisy Fráni Šrámka... S. 96.

¹⁴ Ibid. S. 102.

добра, покладиста, ее глаза сияют, как спелые плоды, она кладет головку на мужнино плечо и говорит что-то вроде: “У нас будет три комнаты и служанка!” Да, она теперь твердо стоит на земле и счастлива, что ее спустили с небес»¹⁵. Вот так Шрадек сразу дает набросок, почти конспект будущего развития отношений между героями.

Сначала ни у Мани, ни у Котеры нет никаких планов на дальнейшую совместную жизнь. Они охвачены страстью, только это их и занимает. Три дня сумасшедшей любви, потом — расставание: Котера отправляется на военные сборы. Возможно, с расставанием эта любовная история и кончилась бы: ее герои принадлежат к разным социальным слоям, Котера — человек образованный, инженер, и он прекрасно сознает, что Маня — девушка из предместья, не получившая ни образования, ни воспитания, — ему не пара. Но Маня ждет ребенка — и Котера вдруг понимает, что разница в общественном положении в сравнении с возможностью построить семью с любимой — ничто. Причем сама Маня как раз о семье не думает, ей бы избавиться от ненужной беременности и продолжать веселиться. Но замуж она идет с удовольствием — она влюблена, замужество сулит новые впечатления, а ребенок... пусть будет, ведь маленькие дети такие хорошенькие!

Итак, фундамент, на котором, по мнению автора, зиждется семья — любовь-страсть, — имеется. Но фундамент — это еще не дом, дом еще предстоит отстроить. Мотив «домостроительства» красной нитью проходит через ткань романа. Сначала этот дом воздвигается только усилиями Котеры: он хорошо знает, чего хочет и к чему стремится, но ему и в голову не приходит обсуждать с женой свои планы: жена для него — любимая, хозяйка, объект заботы, но не товарищ. Но постепенно, подспудно в нем рождается желание раскрыть перед Маней свои потаенные мечты, вовлечь ее в строительство общего дома. А Маня, приглядываясь к мужу и его друзьям, постепенно начинает понимать, что, помимо радостей тела, есть какие-то другие радости, другой мир, с другими интересами, темами для разговоров и т.д. Вначале она пытается скопировать внешние атрибуты этого мира: перенять лексику, манеру поведения, например, к месту и не к месту вставляет словечко «стильный», потом пытается читать «умные» книги, но в результате приходит к пониманию мужа не умом, а сердцем — ей не всегда доступен смысл его слов, но она разделяет движения его души.

Недостаток образования у женщины Котера и его окружение недостатком не считают, друзья дома ценят в Мане совсем другие качества: обаяние, жизнерадостность, ту самую жизненную силу, о которой писал Чапек. Кажется, в этом автор с ними солидарен: для сравнения на страницах романа появляется образованная дама, закончившая консерваторию, молодая жена друга Котеры Куклены, пани Ружена. Куклена тоже женился по любви и готов был строить семью на тех же принципах, что и Йозеф Котера. И ка-

¹⁵ *Šrámek F. Spisy Frání Šrámka... S. 116–117.*

залось бы, у этой четы гораздо больше шансов на успех: ведь и муж, и жена равны по образованию и воспитанию. Но и Ружене, и Мане автор приготовил одно и то же испытание: ухаживания опытного ловеласа Лашека. Ружена легко изменяет мужу, для Мани же обман — невозможный поступок. И тут опять стоит отметить продуманную архитектуру романа: с самого начала Шрамека в ряде эпизодов дает понять читателю, что одна из основополагающих черт характера этой ветреной и легкомысленной Мани — честность, отрицание и неприятие любой неправды. Манино поведение в истории с Лашеком вполне логично и подготовлено предыдущим действием: бунтом девочки-Мани против любовницы отца, бесхитростным ответом на чувства Котеры, а потом растерянностью и смятением, когда Мане приходилось хоть что-то скрывать от мужа. Интересно, что Лашек появляется в жизни Мани как раз тогда, когда они с Котерой уже преодолели взаимное непонимание и почти достигли той самой гармонии в отношениях, которая превращает союз мужчины и женщины в семью. Это испытание — кажется, последнее, но самое главное: ложь сведет все усилия на нет, ложь — это гибель семьи. Интересно, что Шрамека, выстраивая композицию романа, очень часто «передоверяет» тому или другому персонажу выразить авторскую точку зрения либо позволяет персонажу высказаться от собственного лица, и отказано в этом только двум лжецам, Ружене и Лашеку. Семья Куклени и Ружены испытания не выдерживает: оказывается, для строительства семьи нравственные качества гораздо важнее социального равенства.

И только когда последнее испытание пройдено, Шрамека подводит итог: семейная симфония сложилась, мужской и женский голоса слились в гармоничный дуэт: «Песня притянула жену к мужу. Ее голос в этом дуэте был ведущим, в трудных местах он словно бы приходил на помощь второму голосу, подхватывал его, но делал это деликатно. И это было так славно, что его голос опирался на ее, ведь так славно, когда муж может на жену опереться. Маня была счастлива. Она обняла мужа за плечи, тихо, но крепко, песня как будто требовала этого.

И в эту минуту Маня осознала, когда нужно вести себя на равных с женщиной, держаться достойно, прямо, лучше мужчины. Когда-то муж говорил ей о строительстве дома, и она не поняла, о чем это он, и сразу забыла его слова, а вот сейчас вспомнила, но постеснялась переспросить. Сейчас бы она его поняла. Муж — этот тот, кто рядом со мной, кто для меня строит светлый крепкий дом. Мы, женщины, долго этого не замечаем, но однажды вдруг наступает прозрение. И когда снаружи бушует буря, мы защищены надежной доброй крышей. Мы окружены заботой мужа, и он терпеливо ждет, пока мы переводим дыхание, мы можем не торопиться, набираться сил. А потом, когда мы осознаем свою силу, то понимаем, для чего она нужна.

Стоя за спиной у мужа, Маня приникла головой к его голове. У нее было такое чувство, что она приникла ухом к летней теплой земле и слышит ту жизнь, что в ней творится. Котера заиграл что-то плавное, спокойное.

– Что это?

– Не знаю. Я слышал эту мелодию, когда мне было двенадцать лет. По дороге шли паломники, и одна молодая женщина села у края дороги, чтобы напоить ребенка. Это было летом, я лежал в высокой траве, они не могли меня видеть. Во главе процессии шли деревенские музыканты, и сначала они играли ужасно, но вдруг заиграли вот эту мелодию, и это было так хорошо...

Они посмотрели друг на друга и поцеловались»¹⁶.

За Франей Шрамеком в истории чешской литературы прочно и справедливо закрепилась репутация импрессиониста. Но ведь импрессионизм — это не только использование определенных средств художественной выразительности, это и своеобразная архитектоника, и поэтика композиции. Возьмем импрессионизм в живописи: на картины художников-импрессионистов нужно смотреть с некоторого расстояния. Вблизи они кажутся нелепым и случайным нагромождением цветочных пятен, а отойдешь — видна и четкая композиция, и ясный сюжет. Так же и в литературе: кажущаяся разрозненность глав, обрывочность сюжетов и частые отступления, отвлечение на «посторонние» истории и «лишних» персонажей лишь после прочтения всей книги складываются в общую гармоничную картину. И импрессионистический стиль Шрамека, который в 1920-е, возможно, затруднял восприятие романа рядовым читателям, для нас, после всех литературных экспериментов XX века, является несомненным достоинством. Кроме того, этот стиль повествования позволяет Шрамеку касаться довольно щекотливых предметов, и там, где в современной литературе авторы часто прибегают к нарочито грубой физиологии, Шрамак остается художником и поэтом в полном смысле этого слова, так что и сегодня, через сто лет с лишним лет после выхода в свет, этот уникальный роман может быть прочитан с большим интересом.

Источники

- Šrámek F.* Spisy Fráni Šrámka. Praha: Československý spisovatel, 1957. Sv. 2.: Tělo.
Čapek K. Román o Těle // Cesty k přátelství. Praha: Československý spisovatel, 1987.
 S. 24–25.

Литература

- Михайлова М.В., Назарова А.В.* «Новая женщина» или «сверхженщина»? Проект Серебряного века // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2023. Т. 23. Вып. 3. С. 269–277. <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2023-23-3-269-277>

¹⁶ *Šrámek F.* Spisy Fráni Šrámka... S.274-275.

Якубец Я., Новак А. История чешской литературы. Пер. Ек. Н. Матвеевой и Вячеслава Куста. Прага: Пламя, 1926. Т. 2.

Budagovová L. Slovo o Šrámkovi (Šrámkova tvorba v interpretaci moskevské bohemistky) // O literatuře a kultuře. Texty pro Šrámkovu Sobotku. Sobotka: Občanské sdružení Šrámkova Sobotka, 2012. S. 15–22.

Moldanová D. «...Nenatrháš s nebe hvězd». Proměny šrámkovského příběhu 1913–1931 // Česká literatura. 1977. № 25. S. 114–126.

Moldanová D. Mladý Karel Čapek a Fraňa Šrámek // Česká literatura. 1986. № 34. S. 149–161.

References

Budagovová, L., 2012. Slovo o Šrámkovi (Šrámkova tvorba v interpretaci moskevské bohemistky). In: L. Budagovová, 2012. *O literatuře a kultuře. Texty pro Šrámkovu Sobotku*. Sobotka: Občanské sdružení Šrámkova Sobotka, pp. 15–22. (In Czech)

Jakubec, J., Novák, A., 1926. *History of Czech literature. Translated by E.N. Matveeva and Vyacheslav Kust*. Prague: Plamnia. Vol. 2. (In Russian)

Mikhailova, M.V., Nazarova, A.V., 2023. A “new woman” or a “superwoman”? A Silver Age project. *Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism*, 23 (3), pp. 269–277 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2023-23-3-269-277>

Moldanová, D., 1977. «...nenatrháš s nebe hvězd» Proměny šrámkovského příběhu 1913–1931. *Česká literatura*, 25, pp. 114–126. (In Czech)

Moldanová, D., 1986. Mladý Karel Čapek a Fraňa Šrámek. *Česká literatura*, 34, pp. 149–161. (In Czech)